

Гл в перв я

Как я могла в очередной раз поддаться на Феликсовы уговоры? Ему, как всегда, каким-то чудом удалось подловить меня — вечно он находит нужный довод или стимул, и я поступаю так, как он считает нужным. Снова и снова позволяю заморочить себе голову, убеждая себя, что в его предложении, возможно, что-то есть. А ведь я знаю Феликса как облупленного, и для меня не секрет, что наши вкусы и пристрастия диаметрально противоположны. Поэтому, строя планы и принимая за меня решения, он неминуемо попадает пальцем в небо. Мы дружим столько лет, что пора бы это усвоить. В результате я провела уже шестой субботний вечер в компании законченного идиота.

На прошлой неделе на меня свалился фанат экологически чистых продуктов и здорового образа жизни. Можно подумать, что у Феликса случился провал в памяти и он позабыл о вредных привычках своей лучшей подруги. Вот и пришлось мне весь вечер выслушивать поучения по поводу мо-

его пагубного пристрастия к табаку, алкоголю и нездоровому питанию. Этот йог в шлепанцах абсолютно бесстрастным тоном оповестил меня о том, что мой образ жизни — сплошная катастрофа, мне грозит бесплодие и я наверняка подсознательно заигрываю со смертью. По всей видимости, Феликс не снабдил его информацией обо мне. Поэтому я одарила неудачливого претендента самой обворожительной улыбкой и сообщила, что действительно обладаю кой-какими познаниями о смерти и порывах к самоубийству, после чего покинула его.

Вчерашний придурок выступал в другой стилистике: довольно привлекательный, импозантный и совсем не любитель поучать. Его недостаток, впрочем вполне увесистый, заключался в уверенности, что ему удастся быстро затащить меня в койку с помощью рассказов о своих подвигах в компании любовницы по имени *GoPro*. “Этим летом мы с моей *GoPro* спустились по ледяной горной реке... Этой зимой мы с моей *GoPro* практиковались в моголе... Я принимал душ со своей *GoPro*... Знаешь, я тут на днях проехался в метро с моей *GoPro*...” И так далее. Это продолжалось уже больше часа, и он не мог произнести ни фразы без упоминания своей обожаемой экшн-камеры. В конце концов я задалась вопросом, не ходит ли он с ней в туалет. — Куда я хожу со своей *GoPro*? Я, наверное, что-то не так понял, — резко прервал он рассказ.

О черт... Получается, я подумала вслух. Мне надоела роль стервы, которая не способна проявить

интерес к тому, что ей рассказывают, и недоумевает, что она здесь делает, поэтому я решила содрать пластырь с раны одним решительным движением.

— Послушай, ты очень милый, но у тебя слишком серьезные отношения с твоей камерой, и я не хочу в них вторгаться. Я обойдусь без десерта, а кофе выпью у себя.

— Да в чем проблема?

Я поднялась, он тоже. Прощаясь, я только помахала рукой и направилась к кассе: я не настолько одичала, чтобы повесить на него оплату счета за провальное свидание. Я бросила на него последний взгляд и с трудом подавила безумный смех. Сейчас я бы сама не отказалась от *GoPro*, чтобы запечатлеть всю гамму чувств, отразившуюся на его лице. Бедняга...

Назавтра меня разбудил телефон. Кто позволил себе нарушить мой священный и неприкосновенный воскресный сон до полудня? Бессмысленный вопрос!

— Да, Феликс, — пробурчала я в трубку.

— Итак, победу одержал..?

— Заткнись.

Его хихиканье действовало мне на нервы.

— Жду тебя через час, сама знаешь где, — с трудом выговорил он сквозь смех и повесил трубку.

Сидя в постели, я сладко потянулась, словно разнежившаяся кошка, и взяла часы. 12:45. Могло быть и хуже. В будни я без проблем вставала рано, чтобы открыть утром “Счастливых людей”, но ну-

ждалась в долгом воскресном сне для восстановления сил и очищения мозгов от забот и тяжелых мыслей. Сон оставался моим тайным прибежищем — он растворял, смягчал и большую печаль, и мелкие проблемы. Я встала, подошла к окну и с радостью убедилась, что погода будет отличной: парижская весна явилась на свидание.

Собравшись, я хоть и с трудом, но удержалась и оставила дома ключи от “Счастливых”: сегодня воскресенье, а я пообещала себе, что не буду заглядывать туда в выходные. Я не торопясь прогулялась до улицы Аршив. Я лениво брела, рассматривая витрины, затягиваясь первой за день сигаретой, махала рукой идущим навстречу постоянным клиентам “Счастливых людей”. Когда я подошла к террасе нашего воскресного кафе, Феликс грубо разрушил мирное очарование:

— Где ты шлялась? Меня чуть не выгнали из-за нашего столика!

— Здравствуй, мой драгоценный Феликс. — Я запечатлела звучный поцелуй на его щеке.

Он прищурился:

— Слишком ты ласковая, наверняка что-то от меня скрываешь.

— Вовсе нет! Расскажи, что ты делал вчера вечером. Когда вернулся?

— Когда звонил тебе. Я есть хочу, давай заказывать!

Он жестом подозвал официанта и попросил принести бранч. Это его новая заморочка. Он решил, что после субботних ночных безумств полноценная утренняя еда восстанавливает лучше,

чем разогретый кусок подсохшей пиццы. С тех пор он требует, чтобы я всегда присутствовала при действе и с восхищением наблюдала, как он поглощает яичницу с белым хлебом и сосиски, запивая литром апельсинового сока, который призван погасить пылающий костер похмельной жажды.

Как всегда, я удовольствовалась остатками из его тарелки — он напрочь лишал меня аппетита. Мы курили, развалившись на стульях и глядя друг на друга и на окружающий мир сквозь солнечные очки.

— Ты поедешь к ним завтра?

— Как обычно. — Я улыбнулась.

— Поцелуй их от меня.

— Договорились. Ты там больше никогда не бываешь?

— Нет, уже не испытываю потребности.

— Подумать только! Раньше я туда ни ногой!

Теперь по понедельникам это стало моим ритуалом. Я навещаю Колена и Клару. И не важно, идет ли дождь, или снег, или дует свирепый ветер, я отправляюсь на свидание с ними. Мне нравится рассказывать им, как прошла неделя, всякие мелкие истории про “Счастливых людей”... С тех пор как я стала ходить на организованные Феликсом встречи, я описывала Колену все подробности своих злополучных свиданок. Мне казалось, я слышу его смех, и я тоже смеялась вместе с ним, как если бы мы были сообщниками. Доверительно общаться с Кларой было сложнее. Моя дочь, воспоминания о ней всегда утягивали меня в бездну

боли. Машинально я поднесла руку к шее: именно во время одной из таких встреч с Коленом я сняла с шейной цепочки обручальное кольцо. Сняла окончательно и бесповоротно.

Вот уже несколько месяцев у меня на шее ничего нет. В тот раз я объяснила Колену, что поразмышляла и решила не отказываться от предложенных Феликсом свиданий.

— Любимый мой... ты здесь... ты навсегда останешься здесь... но ты ушел, ты далеко и никогда не вернешься... Я смирилась... и хочу попытаться, знаешь...

Я вздохнула, постаралась проглотить слезы, покрутила пальцами обручальное кольцо.

— Оно становится слишком тяжелым... Я знаю, ты не обидишься... Мне кажется, я готова... Я сниму его... Чувствую, что исцелилась от тебя... Всегда буду тебя любить, это никогда не изменится, но теперь все по-другому... Я научилась жить без тебя...

Я поцеловала могильный камень и расстегнула цепочку. Слезы градом покатались из глаз. Я изо всех сил сжала кольцо в кулаке. Потом встала с колен.

— До следующей недели, дорогие мои. Клара, милая... Мама... мама любит тебя.

Я ушла не обернувшись.

Феликс прервал мои воспоминания, похлопав по бедру:

— Давай погуляем, погода хорошая.

— Пошли!

Мы отправились на набережные. Как каждое воскресенье, Феликс захотел отклониться от маршрута и перейти по мосту на остров, чтобы поставить в Нотр-Дам свечку. “Я должен замаливать грехи”, — оправдывался он. Но меня не проведешь: жест адресовался Кларе и Колену — так он поддерживал связь с ними. Пока Феликс совершал свое традиционное паломничество, я терпеливо дожидалась его на улице — наблюдала за туристами, которых атаковали голуби. Я успела выкурить сигаретку, после чего получила возможность насладиться ремейком сцены “Смерть мамы Амели Пулен”^{*} в блистательном, достойном “Оскара” исполнении Феликса — особенно впечатлял крик! Затем великий актер подошел ко мне, обнял за плечи, приветствовал воображаемых зрителей, впавших в экстаз, и повел меня в направлении нашего любимого квартала Маре и суши-бара, который мы всегда посещали воскресным вечером.

Феликс пил саке. “Клин клином вышибают”, — любил он повторять. Я же довольствовалась пивом “Циндао”. Между двумя роллами он перешел в атаку и потребовал отчета. Много времени мне не понадобится!

— А что тебя не устроило со вчерашним?

— Камера на лбу!

* В знаменитом фильме “Амели” мать героини погибла оттого, что ей на голову с вершины собора Нотр-Дам свалилась туристка-самоубийца из Канады. (Здесь и далее — прим. перев.)

— Вау! Чертовски возбуждает.

Я с удовольствием отвесила ему подзатыльник.

— Когда ты уже усвоишь, что у нас разные сексуальные пристрастия?

— Ну и зануда ты, — простонал он.

— Пошли домой? Кино на *TF1* ждать не будет.

Феликс проводил меня до двери дома, где на первом этаже располагались “Счастливые люди”, а наверху моя студия, и, по своему обыкновению, до хруста сжал в объятиях.

— Хочу тебя кое о чем попросить, — сказала я, не отстраняясь.

— О чем?

— Пожалуйста, перестань изображать *Meetic**, меня уже достали эти угробленные субботние вечера. Просто руки опускаются!

Он оттолкнул меня:

— Нет, не перестану. Хочу, чтобы ты встретила хорошего человека, симпатичного, такого, с кем будешь счастлива.

— Ты мне подсовываешь каких-то клоунов, Феликс! Я сама сумею разобраться.

Он впился в меня взглядом:

— Все еще не можешь забыть своего ирландца?

— Не болтай глупости! Напоминаю, я вернулась из Ирландии год назад. Разве я с тех пор хоть раз упомянула Эдварда? Нет! Он здесь ни при чем. Это старая история, и она давно закончилась. Я не виновата, что ты меня знакомишь с шутами гороховыми.

* Французский сайт знакомств.

— О'кей, о'кей! Оставляю тебя в покое на некоторое время, но постарайся сама быть поактивнее, встречайся с людьми. Ты знаешь не хуже меня: Колен хотел бы, чтобы в твоей жизни кто-нибудь появился.

— Знаю. Я так и собираюсь... Спокойной ночи, Феликс. До завтра! Завтра тот самый День!

— Йес!

Я поцеловала его так же смачно, как несколько часов назад, и вошла в дом. Вопреки настойчивым увещаниям Феликса, я отказывалась переезжать. Мне нравилось жить над “Счастливыми людьми”, в своей маленькой студии. Тут я оставалась в гуще событий, и меня это устраивало. Но главное, именно здесь я самостоятельно, без чьей бы то ни было помощи, поднялась из руин. На пятый этаж я пошла по лестнице, проигнорировав лифт. Дойдя до двери, прислонилась к ней и удовлетворенно вздохнула. Несмотря на финальный разговор, я отлично провела время с Феликсом.

Вопреки его представлениям, я никогда не смотрела фильмы на *TF1*. Я включала музыку — сегодня это был Асгейр, *King and Cross* — и приступала к тому, что окрестила своим “спа-сеансом по выходным”. Недавно я решила, что пора ухаживать за собой, а что может быть лучше воскресного вечера для маски, пилинга и других штучек, уважаемых девушками?

Полтора часа спустя я вышла наконец из ванной. От меня вкусно пахло, и кожа была нежной и глад-

кой. Я налила себе последнюю за день чашку кофе и уютно устроилась на диване. Закурила и позволила мыслям бесцельно блуждать.

Феликс так никогда и не узнал, что заставило меня отодвинуть Эдварда в самый дальний угол памяти и больше не думать о нем.

После возвращения из Ирландии я ни с кем из них не общалась — ни с Эбби и Джеком, ни с Джудит, ни в особенности с Эдвардом. Естественно, я по нему тосковала. Воспоминания, иногда счастливые, иногда мучительные, накрывали меня волнами. Но время шло, и для меня становилось все очевиднее, что я никогда больше не поинтересуюсь, как живут мои ирландцы: все они и в частности он. Какой смысл, ведь все было так давно, больше года уже прошло... И все-таки...

Примерно полгода назад, зимним воскресеньем, когда на улице лило как из ведра, а я оставалась одна дома и занималась разборкой шкафа, я наткнулась на коробку, в которую сложила наши фотографии, сделанные на Аранских островах. Я ее открыла и поплыла, увидев его лицо впервые после такого долгого перерыва. Словно в остром приступе помешательства, я бросилась к мобильнику, нашла в контактах номер и нажала на кнопку вызова. Хотела, нет, должна была узнать, как он там. После каждого гудка я была готова сбросить вызов, разрываясь между боязнью услышать его голос и всепоглощающим желанием возобновить

наши отношения. А потом включился автоответчик — только имя, произнесенное хриплым голосом, и звуковой сигнал. Я пролепетала что-то вроде “Э-э-э... Эдвард, это я... Это Диана. Я позвонила... позвонила, чтобы узнать... э-э-э... как ты поживаешь... Перезвони мне... Пожалуйста”. Нажав на иконку, я подумала, что сделала ужасную глупость. Я металась по комнате и грызла ногти. Желание узнать, как его дела, помнит он обо мне или нет, терзало меня, намертво приклеив к телефону до конца дня. Настолько, что я даже повторила попытку после десяти вечера. Он не ответил. На завтра, проснувшись, я ругала себя последними словами, поняв всю смехотворность своего поступка. Случившаяся со мной вспышка безумия помогла мне осознать, что нет и не будет больше Эдварда. Останется лишь краткий, но важный эпизод в моей жизни. Эдвард возник на моем пути, чтобы освободить меня от обязательства хранить верность Колену. И вот сегодня я освободилась и от него тоже. Отныне я готова вернуться к людям.